

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРЕ

УДК 94(47).08

РЕВОЛЮЦИОНЕРКА ЮЛИЯ ГОРТЫНСКАЯ – НАДЕЖДА КРУПСКАЯ, КОТОРОЙ НЕ ПОВЕЗЛО?

Н.Ю. Терехова

andalucia1@yandex.ru

Как приходят в революцию? Почему многие «буревестники», «войдя в зрелые года», меняют свои смелые планы перевернуть мир и создать новое общество и культуру на противоположные? Почему кто-то, единожды «засветившись» на тайной сходке, попадает в Историю, а кто-то, оставшись верен юношеским бунтарским идеям до конца жизни, остается непонятым... и забытым? Юлия Гортинская – анархистка, жена и помощник яркого политического лидера В.К. Дебогория-Мокриевича, политэмигрантка, толстовка-вегетарианка, переводчица и библиотекарь, заканчивает свою жизнь отшельницей в маленьком южном городке. Почему имени активной участницы революционных событий 1880–1910 гг., связанной революционной эмиграции не оказалось в знаменитом словаре «Деятели революционного движения в России»? Почему биографы ее знаменитого мужа игнорировали участие этой женщины в политической жизни страны и ее непосредственную помощь Владимиру Дебогорию? Почему краеведы ее малой родины, Чернигова, писали о трех поколениях талантливой семьи Гортинских, но о Юлии, кроме имени, ничего не упоминалось? В этой статье я попробую разобраться в хитросплетениях судьбы «простой русской революционерки», восполнить одну из лакун и вернуть Истории имя женщины, всецело посвятившей себя борьбе за «счастье человечества» и, как и многие революционерки, пожертвовавшей личным счастьем, счастьем жены и матери.

Ключевые слова: Юлия Гортинская, Владимир Дебогорий-Мокриевич, история России последней четверти XIX века, история русской революционной эмиграции конца XIX – начала XX века.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.2-31-42

Юлия Александровна Гортинская родилась в Чернигове, в семье отставного майора Александра Степановича Гортинского и Александры Петровны Владимировой 15 мая 1860 года. Александр Степанович, по косвенным свидетельствам, участвовал в Крымской войне, был ранен, по ранению вышел в отставку вскоре после женитьбы. По указу императора Александра II каждый месяц службы во время обороны Севасто-

поля приравнивался к году службы, так что Гортинский мог рассчитывать на хорошую пенсию. Причиной могла быть и достаточно удачная женитьба, поскольку Александра Петровна унаследовала имение в Черниговской губернии, села Жеведь и Козероги, дачный участок на Черном море в Геленджике, что давало небольшой, но стабильный доход [8, с. 44]. В семье родилось еще двое детей, Александр и Зинаида.

В Чернигове жили сестры и брат Александра Степановича со своими семьями, все были в хороших дружеских отношениях. По примеру своих двоюродных сестер Марии и Ольги Гортыньских, дочерей известного черниговского врача, Юлия поступила в Киевский институт благородных девиц, который закончила «с серебряной медалью большого размера» в 1877 году [5, с. 129].

В «Воспоминаниях» ее мужа Владимира Дебогория-Мокриевича, опубликованных в конце 1890-х в Париже, упоминается, что его жена долго боролась с родителями за право уехать в Швейцарию «учиться медицине». Думаю, вряд ли серьезная борьба имела место, так как Александр Степанович тяжело болел последние годы. Наиболее вероятно, что старшая дочь, получив высшее на тот момент женское образование в Киевском институте благородных девиц, пришла на помощь матери по уходу за больным отцом. Сомнительно, чтобы умирающий от туберкулеза отставной майор отговаривал дочь, обещающую выучиться на доктора и вылечить отца. Осенью 1878 года в Киеве наконец-то открылись Киевские высшие женские курсы и 18-летняя Юлия поступила на физико-математический факультет, где среди естественнонаучных дисциплин преподавали курс санитарии и гигиены [12]. Но радость учения была недолгой. Через полгода после начала занятий Юлии пришлось срочно выехать в Чернигов: 14 марта 1879 года 56-летний Александр Степанович скончался. (Только спустя три года, в 1881 году, Роберт Кох откроет возбудителя туберкулеза, а первый противотуберкулезный препарат – стрептомицин – будет получен лишь в 1943 году) Юлия возвращается в Киев и продолжает учиться до 1881 года. 1881-й – переломный год в биографиях многих молодых людей

того времени. Убийство Александра II, суд над первомайцами, их публичная казнь на Семеновском плацу в Петербурге, множество рисунков с места событий и цитаты из речи Андрея Желябова, распространившиеся по России, – всё это сыграло роль пускового механизма для пересмотра взглядов и целей российской молодежи, в том числе и для Юлии.

По документам Охранного Отделения, где в 1891 году на Юлию завели «дело», в 1881 году, не закончив последний, четвертый курс, она уехала в Швейцарию или Францию. Архивы университетов Цюриха, Берна, Гейдельберга и Женевы ответили отрицательно на вопрос, была ли у них русская студентка Юлия Гортыньская в период 1881–1887 годов. Ни на медицинском, ни на естественнонаучном факультетах такой студентки не значится. Архивным данным стоит доверять, поскольку эти же архивы подтвердили обучение двоюродной сестры Юлии, Ольги Васильевны Гортыньской, в Гейдельберге, Берне и Женеве. В «деле» присутствует также объяснительная записка матери Юлии о том, что дочь училась в колледже Святого Людовика в Париже, но архив колледжа тоже ответил отрицательно. Скорее всего, обучение в Европе – красивая «легенда» профессиональной революционерки. В реальности – вероятное знакомство с Дебогорием-Мокриевичем в Женеве, в пестрой русской колонии эмигрантов и студентов, где земляки легко находили общий язык, а такая яркая личность, как Владимир Дебогорий-Мокриевич, только что бежавший из сибирской ссылки, в ореоле мученика за правое дело и близкого друга многих арестованных первомайцев, конечно же, не мог не обратить на себя внимание прогрессивно настроенной смелой молодой девушки.

Предыдущий гражданский брак Дебогория с его соратницей Марией Ковалевской (Воронцовой) распался с арестом обоих в Киеве в 1879-м, он был свободен. Что происходило с Юлией и Владимиром в этот 6-летний период, с 1881 по 1887 год, достоверно не известно. Есть лишь упоминание в мемуарах болгарского политического деятеля Николы Иванова Геннадиева в главе «Спомени от съединението» (Воспоминания об объединении) о событиях 1885 года. Группа болгарских революционеров, борцов против турецкого ига, по дороге в Софию сделала остановку недалеко от г. Ихтиман, чтобы навестить друга одного из участников переворота. «Там работал инженер-дорожник, который проживал в одной палатке вместе с женой, русский эмигрант Дебогорий-Мокриевич, который бежал из Сибири после трехлетнего заключения, как было написано в женевском журнале “Народная Воля”; и который под именем Каблукова 30 лет прожил в Болгарии и оставил о себе добрые воспоминания среди старозагорчан, чирпанцев и пазарджичан. Он был одним из семи нигилистов, которых правительство Стамболова отказалось выдать и выслать вопреки ноте германского посла» [3, с. 54–99]. Имело ли место венчание Юлии и Владимира, где оно состоялось – неизвестно. Единственный достоверный документ был предоставлен мне их правнучкой, американской актрисой Ингрид Сонниксен: это было свидетельство о рождении «Натали Дебогорий-Мокриевич, законной дочери Владимира Дебогория-Мокриевича из Луки-Барской и Юлии Гортинской, которая родилась 15 апреля 1887 в кантоне Пленпале, Женева, Швейцария». Вероятно, пережив разочарование в бывших соратниках, вступивших на путь террора, Дебогорий решает перед рожде-

нием ребенка вернуться из мятежной Болгарии в спокойную Швейцарию. Оба они появляются на исторической сцене вновь в 1887 году в Женеве.

Сорокадевятилетний Владимир Карпович понимал, что философия народничества с уходом целого поколения потерялась в других философских течениях, но принять народофильскую модель он не мог, так как в принципе не принимал якобинские, централистические теории. «В политическом отношении мы стояли за анархию, за последовательное проведение федеративного принципа до его крайних пределов, – свободного договора личностей при составлении общины», – пишет он в «Автобиографии». Желая выразить себя и быть услышанным, в 1887–1889 годах он принимает участие в издании газеты «Самоуправление» и журнала «Свободная Россия». Группа авторов была солидна: совместно с А.С. Белевским, О.Н. Флоровской-Фигнер, Н.К. Михайловским, В.Л. Бурцевым в газете сотрудничали П.А. Лавров, С.М. Степняк-Кравчинский, И.И. Добровольский, М.П. Драгоманов. С Драгомановыми Дебогорий дружил семьями. Из переписки Дебогория-Мокриевича с Михаилом Драгомановым понятно, что его жена Юлия Александровна принимала активное участие в работе редакции: принимала и читала рукописи, занималась корректорской правкой и редактурой, вела переписку с авторами [4, д. 43, 44].

Помимо этого Юлия часто исполняла роль связной между российскими политэмигрантами и революционерами-подпольщиками, работающими в России. Описание Юлии, путешествующей с малолетней дочерью, использующей ребенка для создания образа благонадежной дамы, весьма типично для «новой женщины»: она

следует моде, одета элегантно, но просто, и только короткая стрижка и пенсне дерзко выдают «ученую женщину», бывшую курсистку. Интересно, что даже девочка всегда была коротко пострижена, как и мать [9, л. 54]. Был ли это вызов российским полицейским, желание подразнить, обратив на себя внимание намеренно? До 1895 года Юлия довольно часто приезжала в Россию, и география ее передвижений обширна. Письма ее, сохранившиеся в ее деле, говорят о характере прямом и открытом. Она вежлива и корректна, но достаточно точно умеет обрисовать ситуацию и объяснить, в чем и почему не согласна с оппонентом. Умение тактично объяснить, отказать или попросить переделать высоко ценилось ее мужем. Но часто нужно было просто тайно перевезти, передать, забрать и вывести из России письма и статьи. И Юлия с дочерью «путешествуют».

В 1890-м Дебогорий переезжает поближе к России, в Болгарию, где курсирует между Старой Загорой и Филиполисом, а Юлия с дочерью на пару недель заезжает в Петербург. Объявляет знакомым, что едет в Москву, а на самом деле возвращается в Болгарию для короткой встречи с Дебогорием, обменивается письмами и снова едет в Россию, а затем в Киев, Чернигов, Полтаву. Конечно же, такие частые поездки не могли не привлечь внимание полиции. В 1891 году главе заграничной агентауры ДП в Париже П.И. Рачковскому идет запрос: собрать данные на жену Дебогория-Мокриевича в Болгарии [13].

В 1892 году Дебогорий по паспорту болгарина Стойменова едет в США, где получает гражданство. Юлия с дочерью сопровождают его в этой поездке. С 1890 года Юлия тоже имеет заграничный паспорт на имя Юлии Стойменовой. Натали Дебого-

рий позднее переведет часть воспоминаний отца, а именно несколько глав о детских годах, назвав их «Мое детство прошло в России» (When I was a boy in Russia), переведет их немного неуклюже, как человек, плохо знакомый с реалиями русской жизни, не совсем точно понимающий значение местных словечек, оттенков многозначных слов, зависящих от контекста. Эту работу она объясняет тем, что отец, прожив несколько лет в США, так и не выучил английский. Для нас эта деталь важна: это значит, что Юлия также была его переводчиком все время пребывания в США и Великобритании. В 1894 году, не сойдясь с местными социалистами и русской эмиграцией, Дебогорий возвращается в Европу: сначала в Париж, где вместе с Егором Лазаревым, с которым познакомился еще в США, принимает участие в создании «Фонда вольной русской прессы» с центром в Лондоне, затем – опять по идейным расхождениям с лондонской эмиграцией – в Болгарию, на сей раз навсегда. Юлия снова выполняет функции связной. Поскольку «болгарин Стойменов», женившийся на русской, успел получить американское гражданство, то и Юлия теперь – жена гражданина Соединенных Штатов.

Но к 1895 году собранных данных уже достаточно. Как только поступает свежий донос о сходке эмигрантов у Дебогориев, где обсуждалась организация доставки нелегальной литературы в Россию, изготовление фальшивых паспортов, производство бомб, планы террористических актов и т. п., выходит полицейский циркуляр задержать Юлию при очередном пересечении границы Российской империи и обыскать на предмет тайных писем или запрещенных книг. Ее предупреждают, что она «раскрыта», но не ехать нельзя.

Весной 1895 года она приезжает с дочерью в Киев, где останавливается в доме своей младшей сестры, вышедшей замуж за врача Михаила Яценко-Хмелевского. Там ее, наконец, настигает полиция и требует предъявить документы. Забавно, что сохранилась объяснительная пограничников, почему Юлия не была задержана на границе: в циркуляре было написано «Юлия Стоименова», а женщина, которую они пропустили, имела паспорт на имя Юлии Стойменовой [9, л. 58]. (Спустя почти 120 лет сотрудники ЦРУ напишут такое же объяснение, почему они не вняли предупреждению российских спецслужб о террористической деятельности Джохара Царнаева, виновного во взрыве на Бостонском марафоне: приехав навестить родителей в Россию, он получил новый загранпаспорт, где по лингвистическим нововведениям нашего ОВИРа от 2010 года его фамилия была переведена с разницей в одну букву!)

Когда недоразумение с разночтением фамилии было выяснено, Юлия и все ее родственники находились под негласным надзором полиции до окончания следствия. Главным и самым сложным было доказать, что на самом деле Юлия Гортынская – жена политического преступника Дебогория-Мокриевича и причастна ко всей его криминальной деятельности. Но поскольку все обвинительные факты представляли собой лишь агентурные отчеты, прокурор обратился с просьбой к Черниговскому губернатору, предлагая изящный выход из положения. В своем докладе он предложил:

«Принимая же во внимание, что названное лицо называет себя женою иностранного подданного и живет по иностранному документу, Департамент, ввиду имеющихся указаний на политическую ее неблагонад-

ежность и поручений, принимаемых ею в России, полагает необходимым выслать ее безвозвратно за границу, с запрещением вновь въезда в пределы Империи, согласно ст. 313, Т. II, ч. I. Св. Зак. изд. 1892. На произведение сего предложения в исполнение Департамент имеет честь испрашивать разрешения Вашего Высокопревосходительства. Директор Сабуров».

Резолюция была предсказуема: «Исполнить. 18 авг. 1895 г.». Помимо этого, издается распоряжение о немедленном аресте Юлии, если она попытается въехать на территорию Российской империи под своей девичьей фамилией или фамилией фактического мужа Дебогория-Мокриевича [Там же, л. 69–70]. Все-таки один «странный» документ был изъят у Юлии при обыске: записка «Крепко целую тебя, моя Тусечка милая. Пишу мало, потому что тороплюсь. Твой папа. Старая Загора». Записка, которая наводила на мысль и о Дебогории, который частенько жила в Старой Загоре, и о том, что Тусечка – это восьмилетняя дочка Юлии и Владимира – Наталия, Натуся, Туся...

Конечно же, это был не только провал всех задуманных комбинаций по пересылке агитационной литературы, тайных писем, денежных пособий, сбора материалов для издания и т. п., но и потеря личной свободы передвижения, общения с родными и близкими. Для «анархистки», как характеризовал ее некто Сергеев, агент, регулярно строчивший доносы на действия и передвижения Дебогория и Гортынской, это было совершенно неприемлемо, и Юлия немедленно начинает борьбу за свое право быть «въездной» и «благонадежной». 20 февраля 1896 года через Американское консульство в Лондоне Юлия подает прошение на имя Николая II, надеясь, что не-

давно потерявший отца император оценит желание дочери быть рядом с престарелой больной матерью. Аналогичное прошение Юлия пишет для рассмотрения в Сенате, апеллируя к тому, что инкриминируемая ей статья (высылка сомнительного поведения иностранной гражданки) основана на ложном подозрении. 8 июля 1896 года мать Юлии, Александра Петровна Гортынская, тоже подает прошение на имя Александры Федоровны, которое вряд ли дошло до императрицы, полностью поглощенной заботами о восьмимесячной дочери, первом ребенке императорской четы.

Было наивно полагать, что за границей нет осведомителей, и вести себя неосторожно, т. е. свободно, как понимала это Юлия. И уже 21 августа 1896 года Департамент полиции (ДП) получает донесение, что Юлия Стойменова прибыла из Лондона к мужу в Старую Загору. Что и требовалось доказать! Вдова майора А.П. Гортынская получает уведомление от губернатора Черниговской губернии, что ее ходатайство императрице отклонено. А в ответ на прошение Юлии Императору и жалобу в Сенат был издан специальный Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского от 20 авг. 1896 года: «...Имея доказательства ее неблагонадежности и опираясь на ее иностранное гражданство, бывший министр внутренних дел Дурново на основании ст. 313 принял решение “удалить ее как неблагонадежную иностранку безвозвратно за границу с воспрещением вновь приезда в Россию”».

Постановили: ссылаясь на ст. 313, согласно которой иностранцы, по каким-либо причинам нежелательные в пределах России, могут быть высланы за границу, решили, что жалоба Стойменовой рассмотрению в Сенате не подлежит и должна

быть оставлена без рассмотрения» [Там же, л. 126–136].

Более высокой инстанции не существует. Борьба окончена. Конечно, нужно учитывать, что Юлия получила сей ответ не быстро. Но как только получила – поняла, что терять больше нечего. Очередной филерский доклад извещает, что 4 сентября 1897 года Юлия выехала с дочерью из Старой Загоры в Лондон.

Год был очень насыщенным, Юлия много писала, много спорила. Всего год прошел со времени Международного социалистического конгресса в Лондоне. Увы, попытка объединить разрозненные силы противников самодержавия с помощью общей цели не удалась: споры о методах борьбы были возведены в собственно цель, которая «оправдывает средства». Переписка Юлии с соратниками по партии представляет собой продолжение бесконечной полемики, начатой десятилетия назад. «Анархисты признавали необходимым полное разрушение государства как авторитарного учреждения, отрицали благотворное влияние власти, в чьих руках она бы ни была, и полагали, что действительное равенство может осуществиться только по свободному соглашению между людьми, а никоим образом не путем государственных декретов и реформ», – охарактеризует Дебогорий ответ на вопрос «Что делать?» в своей «Автобиографии», написанной незадолго до кончины. А Юлия, судя по сохранившимся редким письмам, полностью поддерживала мужа. Буквально через месяц после приезда в Лондон она обрушивается на бывшего соратника Дебогория и Драгоманова по издательскому делу в Женеве, В. Бурцева, который в своей статье в новом органе «Народоволец» вновь призывает к террору: «...Доказать гг. народовольцам необходи-

мость террора – вещь хорошая». Но статья, по ее мнению, не учитывает сегодняшних реалий и не может вдохновить кого-либо на теракт: «Я думаю, нельзя отрицать скептицизм и отсутствие способности увлекаться, присущее теперешнему поколению, – это подтверждается не только личными впечатлениями, но и фактами. Неужели Ходынская катастрофа или история с Ветровой менее ужасна, чем сечение Боголюбова? А ведь и Бурцев не будет отрицать, что последний факт был причиной выстрела Засулич, а не всякое рассуждение о терроре. Я уже не касаюсь нравственной стороны вопроса об этом» [Там же, л. 151]. Еще через месяц, в ноябре 1897 года, она сообщает мужу о продолжающихся разногласиях в пестрой эмигрантской среде: бывшие «чайковцы» нападают на Плеханова, а попытки нейтрализовать битву старых народовольцев и марксистов ведут лишь к ужесточению споров в печати. Так что, даже пребывая на окраине Европы, в болгарском городке Чирпан, Дебогорий был в курсе всех событий и получал через Юлию не только нелегальные издания и тайные письма, но и передавал свои статьи, рассказы, мемуарную прозу, и верная духом Юлия не только редактировала их, но и умела убедить издателей их напечатать.

В Архивах Гуверовского института есть довольно большая коллекция документов Парижского бюро ДП: донесения секретных агентов практически со всей Европы и США на известных революционеров с 1887 по 1917 год. Очень любопытно, как меняются названия отчетов: в девяностые, во время активности нашей героини, преобладают названия с данными о пересылке нелегальной литературы, о тайных сходках и митингах эмигрантов, приказы об их высылке или аресте; в отчетах периода

1900–1917 годов – о пересылке взрывчатых веществ, покупке бомб и ручных гранат, фракте кораблей для перевозки взрывоопасного груза и т. п. Последний год, когда имена Дебогория и Гортынской фигурируют в сводках, – 1897-й.

А в 1898 году судьба Юлии делает весьма крутой поворот: в Англии она вступает в толстовскую земледельческую колонию в 50 км от Лондона в деревушке Перли (Purleigh). Посетивший издателя «Свободного слова» В.Г. Черткова друг и личный секретарь А.Н. Толстого Х.Н. Абрикосов с удивлением обнаруживает, что «вокруг Чертковых сгруппировалась небольшая русская колония». И среди перечисленных им многих своих знакомых есть и «жена народовольца Дебогория-Мокриевича с дочерью, которая все старалась спропагандировать меня и не давала мне буквально проходить, чтобы не остановить меня и не внушить мне свои идеи» [1, с. 388]. Заронили первые ростки Е.Е. Лазарев еще в Париже в 1894 году, рассказав о своем многолетнем знакомстве с А.Н. Толстым, о своих беседах с великим писателем и его взглядах на христианство [7, с. 137–166], или сам Дебогорий-Мокриевич, откровенно делившийся юношескими идеями организовать сельскохозяйственную колонию в североамериканских штатах и неудачной попыткой брата Ивана фермерствовать на родине, сказать сложно. Но закончилась эта попытка, как и все утопические проекты, неудачей. Известно, что колонисты не признавали светских законов, не платили налоги, имели проблемы с полицией за захоронения умерших колонистов в неположенных местах, в соответствии с толстовской доктриной пытались жить без денег, что часто приводило к жизни впроголодь. Может, это заставило Гортынскую отдать дочь на

обучение в пансион, чтобы ребенок не терпел лишений?

Есть еще одна ниточка: письма писателя Михаила Коцюбинского, мужа двоюродной сестры Юлии – Веры Дейши-Коцюбинской. В одном из писем 1900 года он просит знакомого отправить Юлии несколько экземпляров своей книги «В путях шайтана» на адрес лондонской гостиницы, сделав приписку, что она часто переезжает и ее там может и не быть. Другое письмо жене Вере от мая 1905 года: пишет, что хотел связаться с эмигрантами по какому-то вопросу через Юлию, будучи проездом через Женеву, пошел ее навестить, но оказалось, что младший брат Юлии Александр Гортынский дал неверный адрес. Косвенные свидетельства, но все же свидетельства возврата к политической активности в эти годы [6, с. 75].

В следующий раз имя Юлии Гортынской появляется в донесениях ДП в мае 1907 года. Как и многие, воспользовавшись амнистией политзаключенных и политэмигрантов, она возвращается в Россию. К этому времени пережито многое. Не только разочарование в философии народничества и неприятие марксизма, но и разрыв с мужем, отказ дочери от какого-либо общения с матерью привели Юлию домой, на родину. Если «известный государственный преступник и эмигрант» В.К. Дебогорий-Мокриевич к тому времени уже потерял всех родных в России и был счастлив перепиской с единственной дочерью, которая к 1907 году вышла замуж за легендарного американского журналиста Альберта Сонниксена, то Юлия Александровна испила всю горечь утраты ребенка, который отказался от родной матери [4, д. 36, 37]. Это была оборотная сторона «верности революции». В 11 лет Наталию отдали в за-

крытую английскую школу, и этот поступок матери дочь восприняла как предательство и никогда не простила. (Удивительно, но самой Натали Дебогорий предстояло повторить печальную судьбу своей матери: в 1919 году состоялась ее скандальный развод с мужем, получившим права на воспитание их единственного сына Эрика. Как и ее мать, Натали топила тоску по ребенку в политической активности и оставила свой след в истории как первый переводчик на английский «Протокола Сионских мудрецов», а также отметилась связями с ЦРУ, работая с Борисом Брасодем, Солом Юроком и др.).

Вернувшись в Россию, Юлия Александровна продолжает жить по заветам Толстого. Она вступает в Киевское Vegetарианское общество, среди членов которого известный художник И.Е. Репин с супругой; участвует в жизни вегетарианской общины Киева, вместе с М.М. Пудавовым занимается Vegetарианской столовой. Но самое главное для нее дело – редактирование статей киевского журнала «Vegetарианское обозрение», перевод с английского актуальных статей из иностранных источников и подготовка материалов к печати. Неоднократно Юлия Александровна избирается секретарем Vegetарианского общества, а с 1911 года – и его председателем. В 1908 году возвращается из Лондона В.К. Чертков; он знакомит Юлию с И.И. Горбуновым-Посадовым, одним из соучредителей «Посредника», и Юлия становится сотрудником этого издательства. Она много переводит, в основном популяризаторские книги и брошюры по санитарии и гигиене, но также берется и за перевод учебников по химии и биологии [11]. В Российской национальной библиотеке мне удалось разыскать книжечку известного английского врача

Т. Алинсона «Гигиеническая медицина» 1915 года, где среди выходных данных значится: «Перевод Ю. Гортынской».

Следует сказать, что популяризацией вегетарианства Юлия Александровна занималась и лично, среди родных, друзей и знакомых. Думается, не без ее влияния уже упоминавшийся ранее писатель Михаил Коцюбинский в декабре 1911 года, в гостях на Капри у Максима Горького, державшего широкий стол для своих гостей, неожиданно пишет небольшой рассказ «Письмо», от первого лица описывая прозрение мясоеда, осознавшего весь ужас убийства животных. Описание приготовления пасхального обеда представляет собой натуралистическое изображение убийства поросенка, его потрошения, сливания крови и т. п., что невольно вызывает чувство омерзения ко всему творимому с невинным братом меньшим всего лишь для удовлетворения чувства голода. Рассказ был немедленно напечатан в черниговской газете «Рада», затем отдельной брошюрой и, наконец, в 7-м номере следующего 1912 года Вегетарианского вестника. Как свидетельствуют его собственные письма родным, он на самом деле стал вегетарианцем в эти годы.

С мая 1913 года Юлия Александровна вместе с матерью проживает в Геленджике, где еще с 90-х годов XIX века существуют вегетарианские общины. Она много ездит по стране, помогая с организацией вегетарианских столовых, рассказывая об опыте киевлян, агитируя и пропагандируя издания Вегетарианского вестника и брошюры «Посредника». Но и толстовство у нас преследуется! 6 мая 1914 года местное жандармское управление получает ответ на вопрос, следует ли снять наблюдение с Гортынской ввиду ее пожилого возраста (15 мая 1914 г. ей исполняется 54 года): «В виду наличия в

ДП сведений о прошлой серьезной революционной деятельности Ю.А. Гортынской осуществление дальнейшего наблюдения за нею является необходимым».

Первая мировая война и революционные события 1917 года прерывают активную работу шпииков, и неизвестно, как пережила Юлия следующие 6 лет – с 1914 по 1920 год. Мы можем только предположить, что, как и все члены Киевского Вегетарианского общества, она собирала средства на организацию госпитальных палат, перечисляла деньги на личные счета инвалидов и т. п. В эти годы она много переводит, в «Вегетарианском вестнике» за 1914 год опубликовано два ее перевода (статьи по вегетарианству), в 1915-м – три, в 1916-м – два.

В 1920 году Юлия Александровна – сотрудница библиотеки Министерства труда Украины в Харькове [2, с. 320]. Голод, невыплаты зарплаты и сама ситуация Гражданской войны явно не представляют собой так желаемую свободу, равенство и братство. В это время в Киеве академик Вернадский, хороший знакомый и коллега ее двоюродной сестры Марии Васильевны Павловой-Гортынской, первой женщины профессора-палеонтолога Московского университета, занимается созданием Национальной библиотеки Украины в будущей столице – Киеве. Он заботится не только о создании уникальной книжной коллекции, но и подбирает высококвалифицированные кадры. А чтобы удержать их, он добивается замены тающей от инфляции зарплаты продовольственными пайками. И Юлия, преодолев себя, обращается к нему за помощью: просит принять на работу во вновь создаваемую библиотеку. В Дневниках Вернадского сохранилась коротенькая пометочка: «Приходила Гортынская – сестра М.В. Павловой, искать место

библиотекаря» [Там же, с. 134]. Есть также запись в протоколе № 57 заседания Временной комиссии по образованию Национальной библиотеки в Киеве от 2 мая 1919 года о рассмотрении просьбы Гортинской о принятии ее на работу в библиотеку: «П. 29. Оголошуться прохання про посади Гортинської, Романенко-Араджіані та Циновича. Постановлено: прилучити до інших прохань щодо розгляду» [2, с. 448]. Но проверка списков сотрудников НБУ за 1919–1920 годы показала, что Юлии было отказано в приеме на службу. Вернадский ищет молодые кадры, а Юлии уже шестьдесят.

Последние факты о жизни Юлии Гортинской мы узнаем из письма Зинаиды Васильевны Гортинской, ее невестки, жены брата Александра, адресованного М.В. Павловой [10]. Оно датировано мартом 1933 года: «Юлия живет в Геленджике. Она очень одинока, и жизнь ее нелегка... Она ведь очень хороший человек» ...

Литература

1. *Абрикосов Х.Н.* Двенадцать лет около Толстого (Воспоминания) // Л.Н. Толстой: к 120-летию со дня рождения (1828–1948). – М., 1948. – Т. 2. – С. 377–463.
2. Вибрані наукові праці академіка В.І. Вернадського. Щоденники (1917–1921) = Избранные работы академика Вернадского. Дневники (1917–1921). – Киев, 2011.
3. *Генадиев Н.И.* Спомени от Съединение-то // Генадиев Н.И. Мемоари. – София, 1923. – Т. 1. – С. 54–99.
4. Дебогорий-Мокриевич В.К. (Псевдоним «Петр Каблуков»), участник революционного движения 1870-х гг. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-6225. – Оп. 1. – Д. 36, 37, 43, 44.
5. *Исторія Київського Інститута Богородських Дѣвиць, 1838–1888 г.* – Київ: Типографія С.В. Кульженко, 1889.
6. *Коцюбинская П.М.* Михаил Коцюбинский. – М.: Молодая гвардия, 1969.
7. *Лазарев Е.Е.* Моя жизнь. Воспоминания. – Прага: [б. и.], 1935.
8. *Морозова А.В.* Чернігів і відомий, і невідомий // Сіверянський літопис. – 2012. – № 1–2. – С. 43–46.
9. О розыске лиц по делам политического характера, подлежащих обыску и безусловному аресту, жены эмигранта Юлии Александровны Дебогорно-Мокриевич (она же Стоянова и Стойменова), урожденная Гортинская // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. ОО (Особый отдел). – Оп. 226, ч 6. – № 239.
10. Переписка Павловой М.В. Письма З.В. Гортинской (1933–1935) // Архив Российской академии наук (РАН). – Ф. 311. – Оп. 3. – Ед. хр. 61.
11. Письма Гортинской Ю.А. Горбунову-Посадову И.И. (1909–1913) // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 122. – Оп. 1. – Д. 453.
12. Спосокъ слушательницъ 2–3 курса, на высшихъ женскихъ курсахъ, в 1879–80 академическомъ году. Физико-математическое отделение // Державний Архів Києва (ДАК). – Ф. 244. (Київські випці жіночі курси). – Оп. 1, ч. 1. – Д. 167. – Л. 1.
13. Hoover Institution Archives. Russia. Department politsii. Zagranichnaia agentura (Paris). Okhrana records 1883–1917 [Electronic resource]. – URL: <http://www.oac.cdlib.org> (accessed: 17.05.2016).

IS REVOLUTIONARY JULIE GORTYNSKY – JUST “UNLUCKY NADEZHDA KRUPSKAYA”?

N.Yu. Terekhova

andalucia1@yandex.ru

It is an important question – what power brings people to the Revolution? Why many revolutionaries completely change their vision and ideas as soon as they reach mature years and put away their dreams to change the world and to create a new society manifesting a new culture? Why someone becomes famous after just one episode of a secret group activity while another one is forgotten by the History even remaining faithful to the youth ideals till the very end? In this report I'll try sort out the intricacy of the fate of one Russian woman-revolutionary and to fill up one of the gaps and return the name of a woman who dedicated her life to fighting for “happiness of all mankind” sacrificing her personal happiness, happiness of a wife and a mother.

Keywords: Julie Gortynsky, Vladimir Debogory-Mokriyevich, Russian history of the fourth quarter of the XIX century, history of Russian emigration of the late XIX- early XX century.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.2-31-42

References

1. Abrikosov Kh.N. Dvenadtsat' let okolo Tolstogo (Vospominaniya) [Twelve years near Tolstoy (Memories)]. L.N. Tolstoy: k 120-letiyu so dnya rozhdeniya (1828–1948) [L.N. Tolstoy: to 120th anniversary (1828–1948)]. Moscow, 1948, vol. 2, pp. 377–463.
2. Vybrani naukovyi praci akademika V.I. Vernadskogo. Shchodennyky (1917–1921) [Selected works. Personal diary (1917–1921)]. Kiev, 2011.
3. Genadiev N.I. Spomeni ot S'edinenieto [Remembrances about unification]. Genadiev N.I. Memoari [Memoirs]. Sofia, 1923, vol. 1, pp. 54–99.
4. Debogorii-Mokriyevich V.K. (Pseudonim “Petr Kablukov”), uchastnik revolyutsionnogo dvizheniya 1870-kh gg. [Debogory-Mokriyevich V.K. (Alias “Peter Kablukov”), participant of 1870s' revolutionary movement]. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archives of Russian Federation (GARF)]. F. R-6225. Inv. 1. Doc. 36, 37, 43, 44.
5. Ystorija Kievskogo Ynstytuta Blagorodnykh D'vyuzh, 1838–1888 g. [The history of Kievan Institute of Noble girls]. Kiev, S.V. Kul'zhenko Publ., 1889.
6. Kotsyubinskaya I.M. Mikhail Kotsyubinskii [Michael Kotsyubinsky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1969.
7. Lazarev E.E. Moya zhizn'. Vospominaniya [My life. Memories]. Praga, 1935.
8. Morozova A.V. Chernigiv i vidomyj, i nevidomyj [Chernihiv and known, and unknown]. Siverjans'kyj litopys, 2012, no. 1–2, pp. 43–46.
9. O rozyske lits po delam politicheskogo kharaktera, podlehashchikh obysku i bezuslovnomu arestu, zheny emigranta Yulii Aleksandrovny Debogorio-Mokriyevich (ona zhe Stoyanova i Stoimenova), urozhdannaya Gortynskaya [About search of persons by political reasons to be detained and arrested, wife of an émigré Yulia Alexandrovna Debogorio-Mokriyevich (also known as Stoyanova or Stoymenova, born Gortynskaya)]. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archives of Russian Federation (GARF)]. F. 102. Osobyi otdel [Special department], pt. 6, case no. 239.
10. Perepiska Pavlovoi M.V. Pis'ma Z.V. Gortynskoi (1933–1935) [(Maria Pavlova's private correspondence. Letters of Z.V. Gortynskaya (1933–1935)]. Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk (ARAN)

[Archives of Russian Academy of Sciences (ARAN)]. F. 311. Inv. 3. Doc. 61.

11. Pis'ma Gortynskoi Yu.A. Gorbunov-Posadovu I.I. (1909–1913) [Letters of Gortynskaya Yu.A. to Gorbunov-Posadov. 1909–1913]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* [Russian State Archives of Literature and Arts (RGALI)]. F. 122. Inv. 1. Doc. 453.

12. Spysokъ slushatel'nyъ 2–3 kursa, na vysshnyъ zhenskyъ kursahъ, v 1879–80 akademicheskomъ godu. Fyzyko-matematiches-

koe otdeľenie [The list of female students of 2–3 grades of highest women's courses in 1879–80 academic year]. *Derzhavnyi Arhiv Kyeva (DAK)* [Kiev State Archives (DAK)]. F. 244. (*Kyivskie vysbhi zhinochi kursy*) [Kiev's highest women's courses]. Inv. 1. Pt. 1. Doc. 167. L. 1.

13. Hoover Institution Archives. Russia. Departament politsii. Zagranichnaia agentura (Paris). Okhrana records 1883–1917. Available at: <http://www.oac.cdlib.org> (accessed 17.05.2016)